

Абортная политика как отражение советской заботы о репродуктивном здоровье нации

*Свиридова Алена Васильевна, ассистент кафедры акушерства и гинекологии
Оренбургского государственного медицинского университета (г. Оренбург)*

Многодетная семья исторически была свойственна русскому народу. Одним из факторов, поддерживающих идею многодетности, являлось православие. Библия устанавливает патриархальный брак, целью которого является исполнение самой первой заповеди – «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею». Так и было в нашей стране, население которой с 1858 по 1914 гг. увеличилось с 68 до 163 млн человек (без учета населения Польши и Финляндии). Революция 1917 года и последующие события в корне изменили эти взгляды на семейные ценности.

В 1920 году совместным постановлением Наркомздрава и Наркомюста аборты в нашей стране впервые в истории человечества стали легальными, бесплатными и неограниченными. Данное решение обосновывалось необходимостью предоставления свободы женщинам в их выборе относительно количества детей, поскольку ранее аборт совершался тайно без надлежащей медицинской помощи, ведь подобные действия рассматривались властью и церковью как аморальные, противозаконные и жестоко преследовались [1].

За рубежом вопросы абортной практики в Советском Союзе непосредственно в момент наиболее активного вмешательства государства в данную сферу социальной политики рассматривала Элис Визроу Филд в своей работе «Защита женщин и детей в Советской России». Исследовательница выявила комплекс причин легализации абортов. Главными среди них были неудовлетворительное финансовое положение женщин и угроза потери здоровья и места работы вследствие частых родов. Аборт выступал единственным средством решения проблемы нежелательной беременности. Несмотря на усилия советских ученых-медиков, каких-либо иных качественных средств для устранения проблемы нежелательной беременности не существовало. Все это и подтолкнуло советскую власть к столь радикальному шагу.

Однако данная женщине репродуктивная свобода принесла существенные морально - демографические проблемы, привела к резкому увеличению числа абортов, женской смертности и болезней. Началось постепенное снижение самовоспроизводства русского народа. И в итоге, если в дореволюционной России семья из 5-7 детей считалась обычным делом, то сегодня российская женщина рождает в среднем лишь одного ребенка.

И потому достаточно скоро данная программа перестала вписываться в рамки «идеального» советского общества, созданием которого власть особенно активно занялась после партийных пертурбаций конца 1920-х годов.

К середине 1930-х годов руководство страны, стремясь изменить негативную тенденцию, предприняло необходимые меры. 27 июня 1936 года было принято Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» [1].

Акцент делался на материальные проблемы, мешающие женщине познать радость материнства, и практически не затрагивалась моральная сторона вопроса – «право плода на жизнь» и право женщины на контроль над собственным телом. Все участники дискуссии исходили из убеждения, что любая женщина непременно желает быть матерью, и сходились на том, что разрешать аборты следует в крайне ограниченных случаях. Желание учиться, работать, реализовать себя на общественном поприще часто вступало в противоречие с функцией материнства, а немало женщин готовы были пожертвовать детьми ради реализации своих жизненных планов. Однако высшее руководство страны не разделяло подобного мнения, пойдя по пути ограничения репродуктивной свободы женщины в целях повышения рождаемости.

Реальными последствиями запрета стали эпидемия подпольных абортов, высокие показатели женской смертности и увеличение числа детоубийств. Смертность вследствие нелегальных абортов в городских поселениях СССР в 1938–1939 гг., достигала 12,7 случаев на 100 тыс. женщин в возрасте 15-19 лет.

Правительственный запрет абортов 1936 года «отчетливо выявил главные противоречия советской квазидемографической политики». Руководство СССР стремилось к максимально высоким темпам роста населения, но, вместе с тем, социально-экономическая стратегия, в особенности курс на форсированное развитие тяжелой индустрии и насильственную коллективизацию, объективно способствовала снижению интенсивности рождаемости. Государство было заинтересовано в максимальном использовании женского труда, что предполагает ограничение рождаемости, но в то же время не заботилось о выпуске контрацептивов. Таким образом, оно всей своей политикой подталкивало женщин к искусственному прерыванию беременности и одновременно запрещало аборты, только на словах декларируя семейные ценности.

Историк Е.А. Здравомыслова была уверена, что в материнстве заключалась гражданская доблесть женщины. В целом, рост абортотрактовался в качестве угрозы безопасности государства, поскольку вел к снижению рождаемости. Исследовательница выделяла целую категорию «морально деградировавших, чуждых советскому строю женщин, которые настаивают на аборте «без всяких оснований» либо на основании того, что у нее уже есть ребенок». Эти женщины сразу приобретали клеймо «сексуально распущенных и некультурных гражданок». Ярлык врага навешивали также врачам, мужьям, свекровям, «плохим подругам», которые характеризовались как «несознательные граждане», бесчестно относящиеся к женщине и подстрекающие ее на аборт. Абортотрабу презентировалось, по словам Е.А. Здравомысловой, «как гарант счастья и радости натурализованного материнского гражданского долга». В основу женского гражданства было положено принудительное материнство, и проведенная в прессе агитационная кампания относительно запрета аборта явилась «оправданием репрессивного регулирования деторождения» [2].

Специфика изучения студентами - медиками абортотной операции в советский период состояла в том, что данная проблема имела право быть обсуждаемой исключительно с медицинской точки зрения (социальные аспекты не обсуждались). Врачи-гинекологи оказались единственными представителями научного мира, которым разрешалось анализировать проблему аборта в контексте его негативного влияния на здоровье женщины. Будучи отнесенной к разряду «нежелательных к обсуждению тем», статистика абортотв СССР вплоть до 1980 годов относилась к числу «секретных сведений». Статистические сборники «Аборты в 1925 году» и «Аборты в 1926 году» стали первыми и последними публикациями сведений об абортотвах.

В период запрета на искусственный аборт (1936–1955 гг.) работа по пропаганде и развитию контрацепции в стране была практически свернута. Обучение применению противозачаточных средств было исключено из числа обязанностей врачей женских консультаций, была ликвидирована Центральная комиссия по борьбе с абортотами, прекратилось печатание статей и популярных изданий по этому вопросу. Игнорируя вопрос о контрацептивах, власть оставила женщине в качестве единственного способа регулирования рождаемости аборт без наркоза, превратив производство этой операции в своеобразную индустрию, введя за нее плату.

Закон о запрещении искусственного прерывания беременности Н.Б. Лебина охарактеризовала как «драконовский», давший власти «еще один мощный рычаг управления частной жизнью граждан», но не принесший ей ожидаемых результатов в желаемом масштабе. [3]

В целом, краткий исторический анализ советской абортной политики в 1920–1930-е годы выявляет ее большую роль в социально-демографических процессах и контроле государства над обществом.

Список литературы:

1. Демографическая модернизация России: 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. – М. : Новое изд-во, 2006. – С. 199–215.
2. Здравомыслова Е.А. Гендерное гражданство и абортная культура [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 8–21 февр. 2010 г., № 409–410.
3. Лебина Н.Б. «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...» // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. – М.: Вариант, ЦСПГИ, 2007. – С. 228–241.